

ХУДОЖНИК БОРИС МИАЙЛОВИЧ КУСТОДИЕВ

ПАМЯТИ ВЪВРЕМЕННО УШЕДШЕГО...

Смерть Бориса Михайловича Кустодиева казалась бы, не должна была явиться неожиданностью для тех, кто знал его болезнь, его непрерывные мучения, усилившиеся

Сцены труда — украшавшие в первую годовщину октябрьской революции, улицы Петроградской стороны

«Плотник»

с каждым годом, месяцем, часом; но все же осмыслить ее до конца нельзя; слишком не вяжется самое понятие о смерти с именем того, кто был воплощением жизни. Это он, Б. М. Кустодиев, понижен в том, что отгонял от нас мысль о смерти, о страшном, о всем темном и тягостном. Подвиг его ино-

Сцены труда

«Пекарь»

гострадальной жизни; его непрерывное творческое горение; его безграничный оптимизм, бодрость; легкое, благостное мировоззрение и, наконец, его произведения, в которых эти свойства Кустодиева проявлялись во всей полноте,—никогда не позволяют нам привыкнуться с самым фактом его «физической» смерти. Дух Б. М. Кустодиева будет жить в его произведениях, многогранно переливается, преображаясь и излучая радость, глубоко затрагивая людские сердца... Мало того — все величие Кустодиева — художника, мастера будет во настоящем осознано лишь в будущем; имя его станет

в ряды славных и любимых в мировом пантеоне... Но, какое это слабое «утешение» для нас, оставшихся!

Кустодиев принадлежал к редкому типу художников, слава которых устанавливается сразу и прочно, и еще к таким, которые не перенимают своей славы; и это потому, что Кустодиев никогда «не почивал на лаврах»; в его любви к искусству, бывшему подлинным делом его жизни, не было ни малейшего атома честолюбия, — это была честная любовь! Вот почему его образ художника стоит перед нами такой ясный, не затененный призраком падений или уступок.

Родился Кустодиев в Астрахани, 8 марта и. с. 1878 года, в бедной семье учителя. Уже мальчиком он впитал в себя массу впечатлений, которые, прочно осев, послужили основанием фонда его исключительной фантазии, породившей затем бесконечные вариации на тему русской жизни. Это «накопление материала» шло и далее, в годы учения в Академии.

Для дарования Б. М. Кустодиева было характерно прохождение его созданий через горизоны воображения. Конечно, он много и хорошо работал и с натуры, но, все же, предпочитал возсоздавать образы виденного или вставшего перед его мысленным взором: «Фантазия» Кустодиева делом принадлежала земле и притом родной, русской земле, которую он полюбил крепко и навсегда... Это были одновременно художник-реалист и visioner, как ни противоречивы кажутся эти качества.

Работая над своей академической программой «Базар в деревне» Кустодиев не механически соединил элементы, собранные в этюдах, но, именно, возсоздал сущность деревенской жизни, узнанную не только зрением, а всеми чувствами, всем существом своим... И эта первая «большая» его картина покорила и убедила зрителя. Так же он работал всю свою жизнь...

Дальше, — работа совместно с Репиным и Куликовым над «Заседанием государственного совета» (где он написал всю правую часть картины), ряд портретов, поездка за границу (Париж, Испания). Но ни сокровища мирового искусства, ни парадность столичной жизни не поработили его; мечта художника тянулась к другим берегам, к другой жизни. Необозримый простор полей, заливших ярким солнцем, пестрота деревенских базаров; радость полевых работ; тихая, полусонная жизнь приволжских городов с их бородатыми матерями купцами и толстыми белоголовыми кичицами; сутолка балаганов и удаль катаний на троих; гостинные дворы с яркими вывесками; извозчики трактиры с расписными подносами и чайниками, с юркими половыми, пузатыми самоварами и... многое другое, столь характерное для бытового уклада педагогии Руси, рисующее жизнь привольную беззаботную, сытую, — вскользь к себе Кустодиева своей живописностью, как иское зрительное привлечение... Кустодиев, вообще, любил все праздничное, веселое, яркое и солнечное.

Уже позже, живописуя революционный быт, он также не раз останавливался на «справничих», «шумных» мотивах, где главным действующим лицом является пестрая и ликующая людская толпа, таковы его: «Праздник 1 мая на изложнице Урицкого», «Фейерверк на Неве» и т. п. Худож-

Б. М. Кустодиев

ник исключительно талантливо передавал жизнь толпы, где равнобыли выражены ее «коллективная душа» и чувства составляющих ее единиц...

Когда оглядываешься на пройденный Кустодиевым путь, то ясно становится, как неисчерпаемо и разнообразно было его дарование, как широк был его охват русской жизни; ведь, не только этот художник был живописцем он; он гениально запечатлев русскую природу, типы; создал грандиозную галерею портретов современников (государственных и общественных деятелей, писателей, ученых, артистов художников, музыкантов); блестяще отметил героические моменты революции («Большевик», «Февральская Революция», «Похороны вождя» и мн. др.), а также многострадальную борьбу восставшего народа (сцены и типы революционного Ленинграда), — наконец, сделал ряд незабываемых театральных постановок — пьесы Островского, Сухово-Кобылина, Замятина («Блоха»), Сейфуллина («Врипил»), Волькенштейна («Белые голуби») — последняя его постановка в Московском Малом театре) и мн. другие. В последние годы он много потрудился над разрешением графических задач, работая над иллюстрированием книг, обложками, календарными стенками и т. п. для ГИЗ, «Аквилона», «Комитета популяризации художественных изданий», «ЗИФ», «Радуга» и многих других, для журналов «Красная Панорама», «Красная Нива», «Петроград» и проч. Эти работы исчисляются многими сотнями.

Не было, буквально, ни одного вида художественной техники, в котором бы Кустодиев не пробовал своих сил. Он отдал дань и скульптуре (бюсты: Соллогуба, Ремизова, Добужинского, его матери, Ершова, Замирайло, ряд статуэток для монополии и фарфора: «Купец», «Купчиха», «Гармонист», «Пляшущая девочка» и проч.; при этом он не только лепил из глины и пластилина, но высекал из мрамора, резал по дереву. Занимался Кустодиев и офортом и, наконец, последние годы гравировал на дереве и линолеуме (его замечательно сочные, декоративные листы выставлялись сейчас на выставке гравюры в Русском Музее). И всюду Кустодиев умел оставаться независимым, ярким, а потому исключительно цельным.

Тот дар «визионерства», который мы отметили выше, был основан на его исключительной зрительной памяти. Еще недавно на выставке АХРР были выставлены его украинские и волжские пейзажи — все они созданы в мастерской по быстрым зарисовкам и эскизам. И что же? — Один из наших видных художников был введен в заблуждение, полагая, что это писано «с натуры», так изумительно верно и глубоко — проникновенно Кустодиев передал самую суть украинского пейзажа... В истории русского пейзажа Кустодиев занимает совершенно особое, славное место.

Ему, художнику солнца и радости, но свойственно было изображать моменты хмуровой, ненастной погоды, — его пейзажи насквозь пронизаны солцем; если небо облачное, то это геройские «кустодиевские» облака, клубящиеся мощными массами, освещенные солнцем, перерезанные радугой; если гроза, — то непременно сверкает молния; если, даже, ночь, то небо бороздят сплошь разноцветных ракет...

Таково искусство Кустодиева; — и в жизни — это был человек беспримерной, непонятной при его жестокой болезни жизни радости; он как бы излучал на всех, кто с ним сталкивался, особую жизненную силу, бодрость и творческое воодушевление... Жизнь во всех ее проявлениях, а особенно все, что касалось искусства, влекла его к себе неудержимо и он любил узнавать из рассказов друзей, из книг все но-

Сцены труда

«Сапожник»

вости; и тогда возникала беседа, полная его метких, оригинальных замечаний, тонкого, благодушного юмора. Он не любил говорить о своих муках и лишь иногда, когда они становились не в могуту, сетовал на несправедливость судьбы, посыпающей одному человеку столько страданий... И не раз

Сцены труда

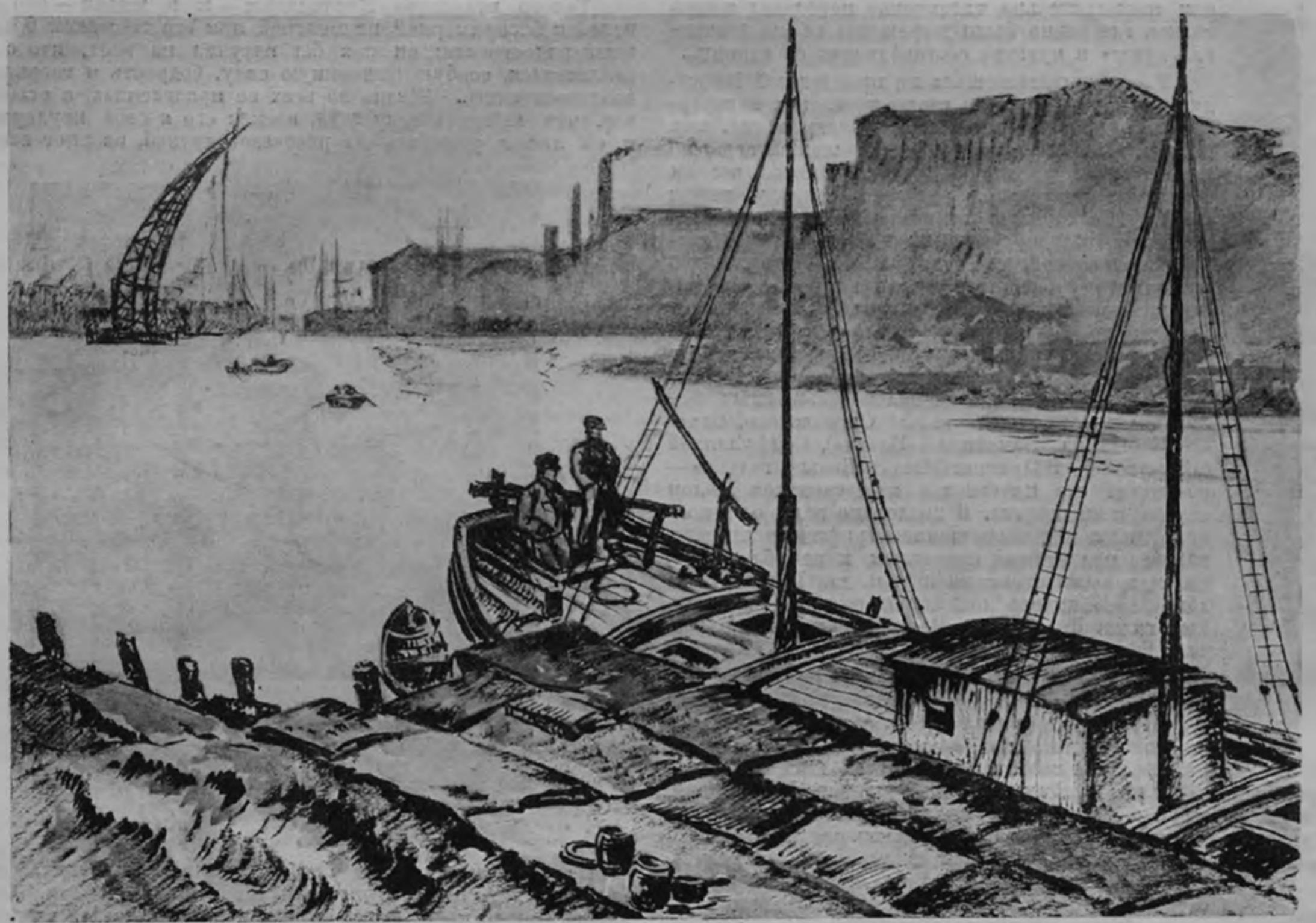
«Портной»

он находил в себе мужество подсматривать даже над свою болезнью...

В таком состоянии он работал все последние годы, работал с утра до вечера и «отдыхал» лишь, меняя одну работу на другую. Последнюю картину, оставшуюся неоконченной, он начал уже совсем больной, почти умирающей; за 4 дня до смерти, измученный двухнедельной бессонницей, он нашел еще в себе силы писать, и последним его рисунком был мастерски набросанный на куске бумаги «дружеский шарж» на дочку.

Девушка на Волге

НОВЫЙ ЛЕНИНГРАД

На Неве у верфей Балтийского завода

Рисунок художника А. Каплуна

Умер он 49 лет, т. - с. в такие годы, когда, обычно, пышно расцветают духовные силы художника-творца; и он ушел от нас, измученный болезнью, но со светлым и ясным умом, с «золотыми» руками, от которых можно было ждать еще много прекрасных созданий.

Б. М. Кустодиев

Силуэт раб. худ. В. В. Воннова

20-Й ГОД

Легки и четки выстрелы...
Под пулеметный град
Еще шеренгу выстроим
У старых бастионов.
Сражение не ноги,
Нас не загонишь в гроб.
Железные подковы
Вызванивают дробь.
Вливались тротуары
В моторные гудки,
По одному и парашу

Неслись броневики.
Стреляли мы не даром
И резались не зря:
Еще горит пожаром
Двадцатая звезда!
Щетинистые взглазы
Борьбою сердце жгут.
Пойдем на бастионы,
Пойдем стеной, коль надо,
На вражеский редут!

Леонид Измайловский

ТИПЫ БЕЛОРУССИИ

Еврей-извозчик

Рисунок худ. Лебедевой

— А что будет, если ты, не дай бог, в самом деле попадешь?

Расхохотались помещики еще громче, а Ноиах стоял, как оглушенный. Он не знает: насмехается над ним помещик или говорит серьезно. Но всему видно, что серьезно, ибо ему сейчас же приказывают лезть на крышу, или итти домой очистить корчму.

Решает он уже итти домой, но тут он вспоминает, что у него большая семья, и он начинает просить помещика, чтоб тот ему дал хоть несколько минут для прочтения «Илдэ»*.

— Добже, — говорит помещик, — я даю тебе еще одну минуту для прочтения «Илдэ».

Одну минуту. Что может сказать еврей в одну минуту, кроме «Шма-Исроря», и начинает лезть на лестницу, а слезы так и льются.

Что делать? Божеское наказание. Такая большая семья... Видно, суждено ему жертвовать собой во имя божие. А, может быть, бог еще смилиостивится и совершил чудо? Все-вышний при желании — все м. жет.

Очень он был набожный еврей... Прежние евреи.

Забравшись на самый верх крыши, не перестает он читать «Кришма» втихомолку и плакать горькими слезами, все еще теряя надежду на бога: авось, все-вышний еще смилиостивится. Все-вышний при желании — все может.

Но помещику некогда, и он приказывает еврею стоять прямо — стоит он прямо. Затем он приказывает нагнуться — он нагибается. Разнять руки — разнимает руки. Выглядеть птицей — выглядит он птицей...

А помещик — хотел ли он этого серьезно или же только пошутил, — но все-вышний сделал так, чтоб это было на самом деле, — он выстрелил и попал Ноиаху прямо в лоб, и Ноиах упал, как подстреленная птица, и скатился по крыше вниз.

И в тот же день его похоронили.

Но помещик сдержал свое слово. Десять лет подряд он не трогал вдовы из корчмы, сколько ему ни предлагали за аренду...

Прежние помещники.

Перевод с еврейского Фридберг

*) Предмертная молитва.

**) «Слушай, Израиль» — начало молитвы «Кришма».

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА Б. М. КУСТОДИЕВА (ЧАСТЬ)

На диване — жена покойного художника

Опустилось у еврея сердце. Что делать? С помещиком ведь не шутят, тем более, что тот уже приказывает нести лестницу — очевидно, это вовсе не шутка.

Обращается он снова к помещику:

Х 41
8

КРАСНАЯ ПАННОРАМА

Художник Б. М. Кустодиев

Цена № 15 коп.

Издание «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»

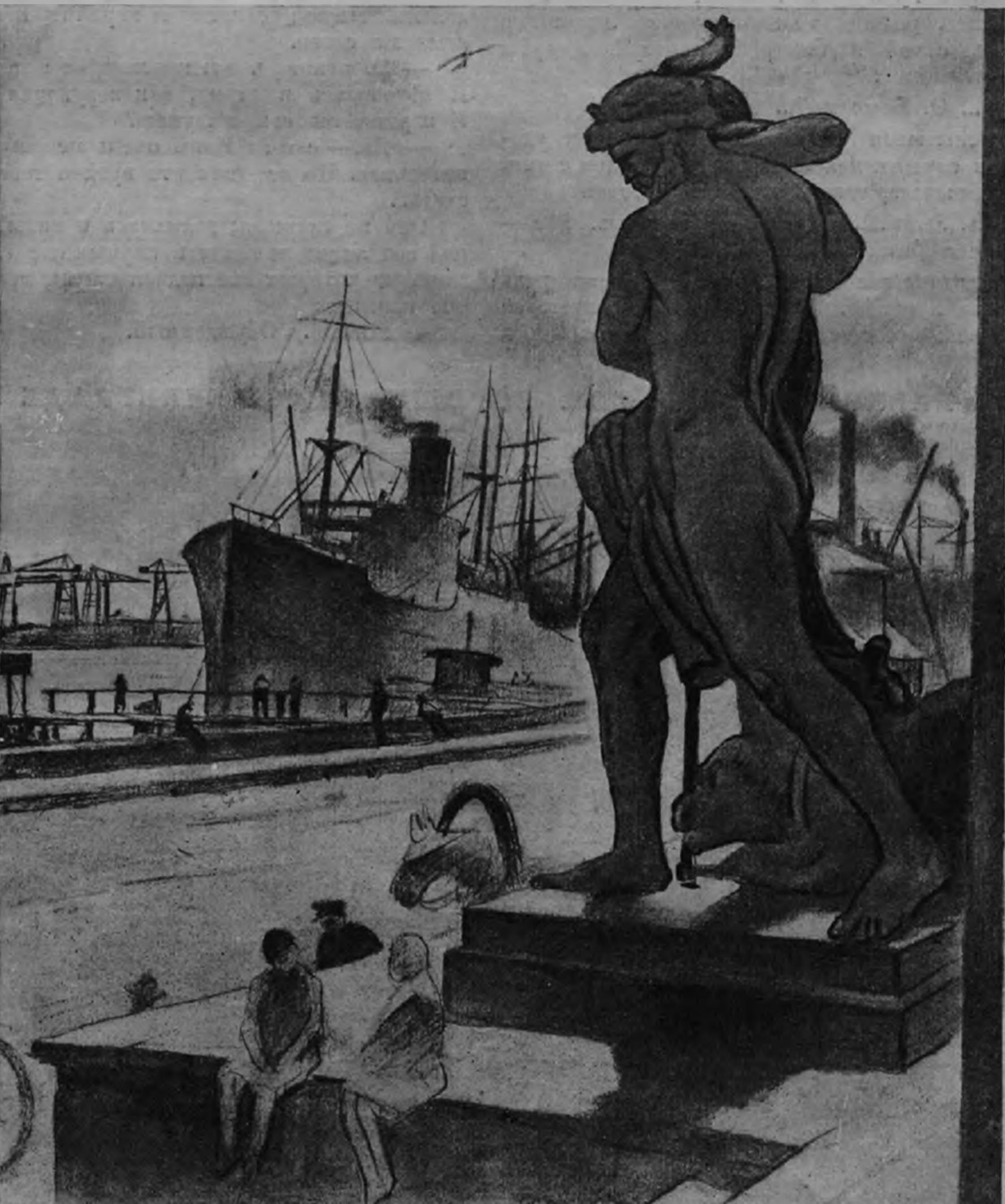
№ 32
5 августа 1927 г.

2
Библиотека
имени
В. И. Ленина
Губанчикова

Рисунок худ. Г. С. Веретинского

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Портик Горного Института на набережной Невы

Рис. худ. П. Жукова